

Судьбу можно предсказать, а выбор — нет.

Моей матери, которая сильнее,
чем она думает, и моему отцу,
по которому я тоскую каждый день

Саския

Завтра моя участь будет решена с помощью костей пальцев моей покойной бабули. Именно так был предопределен ход всей моей жизни — с помощью костей, крови и потрескивающего пламени. Когда мне было пять дней от роду, моя мать проткнула мне пятку швейной иглой, держа меня над каменной чашей, полной лопаточных костей быка. Не знаю, сколько капель крови упало в ту чашу. Одна? Две? Десять? Впрочем, это неважно. Крови было достаточно, чтобы напитать кости квинтэссенцией моего естества, достаточно, чтобы моя мать смогла узнать все, что хотела, относительно следующих нескольких лет моей жизни.

Это всегда было источником трений между нею и мной: ее всеведение и мое неведение. И наоборот. Ведь кости не могут показать ей то, что таится в моем сердце.

Я крадучись спускаюсь по лестнице, идя на резкий запах шалфея. Его запах — верный знак того, что матуш-

ка гадает на костях, чтобы узнать ответ на какой-то вопрос. Подкрасться к ней незаметно почти невозможно, но я не могу не попробовать, ибо искушение слишком велико. Может статься, если я сумею проведать, чем она занимается сейчас, мне станет известно хоть что-то относительно того, что принесет с собой завтрашнее утро.

Снизу доносится низкий голос, и от неожиданности у меня едва не вылетает из головы, что нельзя наступать на пятую ступеньку сверху, поскольку она скрипит. Матушка не одна — к ней пришел кто-то из местных жителей, чтобы что-то узнать до завтрашнего доведения. Я прислоняюсь к стене, разочарованная — мне нет дела до чужого будущего, меня заботит только мое собственное.

Однако стоит мне услышать царапающий звук — это кости скребут по камню, — как ноги сами несут меня вперед. Спустившись по лестнице до самого ее конца, я украдкой заглядываю за угол.

Матушка сидит в середине комнаты напротив одного из самых именитых жителей Мидвуда, богатого фермера по имени Миккел Хемминг. Между ними на полу стоит каменная чаша, в которую брошена горсть костей животных, судя по их виду, дешевых, приготовленных без тщания и не обладающих большой магической силой. Стало быть, это какое-то малозначительное гадание. Ничего похожего на священнодействие, всегда сопровождающее доведение. Матушка даже не облачилась в плащ Заклинательницы Костей.

— Спасибо, что согласилась принять меня без промедления, — говорит Миккел. — Нынче утром я потрогал почву и сразу же понял, что надо идти к тебе. Не слишком ли сейчас мокро, чтобы сажать спаржу? Я боюсь, что да.

— Мне не составит труда ответить на твой вопрос, — отвечает матушка и, уколоч указательный палец Мик-

кела иглой, выжимает из него несколько капелек крови, которые стекают на кости. Затем огнивом высекает искру и разводит в чаше небольшой огонь.

Комната кренился, и я крепко зажмуриваю глаза. Мне кажется, что проходит несколько минут, и я ясно вижу, как Миккел стоит у двери, держа в руке шляпу и благодарит матушку за то, что уделила ему время. В моей голове звучит его голос, и я вздрагиваю. Открываю глаза, но, к моему ужасу, матушка еще только начинает гадать, высыпав кости на коврик перед собой.

У меня перехватывает горло.

Такого не случалось уже много лет — зыбкости в выпаных костях, как будто магия, подобно собаке на поводке, стремится добраться до меня, хочу я того или нет.

А я этого вовсе не хочу.

У меня сосет под ложечкой от предчувствия беды. В голове мелькают образы черных татуировок, похожих на наконечники стрел, но я тут же стараюсь выбросить эти мысли из головы. Бабушка как-то сказала мне, что в семьях, издавна занимающихся магией костей — таких, как наша, — магический дар подобен огню, разгорающемуся все жарче и жарче с каждым новым поколением. Бабушка явно считала, что так она поддержит меня и ободрит, но к тому времени я уже знала правду — чем сильнее пламя, тем труднее держать его в узде. И тем скорее оно сжигает все вокруг.

В моих руках магия костей станет опасной.

Я прижимаю руку ко рту. Миккел все еще молча сидит напротив матушки. А то, что я себе представляла, — всего лишь плод моего слишком живого воображения. Но мне совсем не хочется, чтобы завтра доведывание показало, что мне надлежит стать Заклинательницей Костей. Я бы предпочла другой путь, чтобы ненароком не причинить зла кому-то из тех, кому должна была бы помочь.

— Ты прав, Миккел, — голос матушки возвращает меня в действительность. — Коли ты посадишь спаржу, на нее нападет тля и погубит большую часть урожая. В этом году я бы посоветовала тебе вместо спаржи посеять что-нибудь другое — возможно, пшеницу.

Миккел вздыхает и запускает руку в волосы.

— Именно этого я и боялся.

Матушка ободряюще улыбается.

— Прости, что принесла тебе дурную весть.

Он встает.

— Лучше уж узнать сейчас. Спасибо тебе, Делла.

Я прижимаюсь спиной к стене, а она провожает Миккела до двери и тихонько затворяет ее за ним. А я медленно, бочком начинаю подниматься по лестнице.

— Я знаю, что ты там, Саския. Так что незаметно тебе не уйти.

Мне в лицо ударяет горячая кровь. Я спускаюсь по лестнице, перешагивая через ступеньку, заворачиваю за угол и вижу матушку — она стоит, уперев руки в бока, и на лице ее написан укор.

— Ты же понимаешь, что нельзя подсматривать за гаданием. Я очень серьезно отношусь к сохранению конфиденциальности.

— Вряд ли для кого-то может быть секретом то, что мистер Хемминг будет сеять в этом году.

Матушка плотно сжимает губы, так, что образуется тонкая бледная линия.

— Разве тебе хочется, чтобы за завтрашним гаданием на тебя кто-то следил?

Когда она заговаривает о доведывании, у меня падает сердце.

— Я не желаю становиться Заклинательницей Костей, — говорю ей я. — Но ты ведь и сама это знаешь, верно?

Она качает головой и выходит из комнаты. Я иду за ней на кухню, где она берет из вазы яблоко и отрезает от него ломтик.

— Матушка?

— Доведывание нужно не для того, чтобы определить, чего ты хочешь, Саския, а для того, чтобы определить, что именно тебе нужно, что лучше для тебя. И для нашей страны. — Она кладет в рот кусочек яблока.

— Что мне нужно — так это хоть какое-то счастье, — говорю я.

Матушка начинает жевать — ужасно медленно, — глотает и наконец отвечает:

— Дар Ясновидения Первого Порядка порождает больше душевных мук, чем два остальных. Твоей бабушке видения всегда являлись слишком поздно, чтобы можно было что-то изменить и поспособствовать чьему-то счастью. Но может статься, завтра кости откроют в тебе дар к Ясновидению какого-то иного порядка.

Бабушка обладала даром Ясновидения Первого Порядка — способностью видеть прошлое. Матушке присуще Ясновидение Третьего Порядка — способность видеть будущее, — но я бы предпочла, чтобы у нее был дар к Ясновидению какого-то иного порядка, одного из остальных двух. Ведь тогда для доведывания я могла бы обратиться к другому Заклинателю или Заклинательнице Костей, таким, которые бы не заботились о том, чтобы во что бы то ни стало сохранить наследие моей семьи.

Я хочу сказать ей, что она не так меня поняла. Я беспокоюсь не о том, что мой магический дар слишком слаб, — напротив, мне хорошо известно, как бывает тяжело, когда твой дар слишком силен. Но если я заговорю с ней на эту тему, она потребует от меня объяснений, а я не хочу их давать.

Достаточно будет просто сказать, какой я хочу видеть свою жизнь.

— А еще я не хочу, чтобы спутника жизни мне тоже выбрали кости, — произношу я. — Разве что...

Матушка щурит глаза, и я замолкаю на полуслове.

— Кости не слушают ничьих просьб. — Голос ее звучит отрывисто, раздраженно. Она ловко отрезает от яблока еще один кусочек. — Полагаю, тебе бы хотелось узнать о своем будущем как можно больше. Не всем так везет, не все союзы между мужчинами и женщинами заключаются на такой прочной основе.

— Да, я знаю, что мы можем себе это позволить, но что, если я не соглашусь принять того, кого выберут для меня кости? Я не хочу быть всю жизнь привязанной к человеку, которого не буду любить.

— Что за драма, Саския? Никого нельзя насильно привязать к тому, кого он или она не любит. И неважно, как был выбран этот человек — с помощью костей или как-то еще.

Во мне вспыхивает гнев — как же пренебрежительно она относится к тому, что столь для меня важно! В самом деле, меня не станут принуждать принять того, кого выберут для меня кости, но, если я не соглашусь с их выбором, мне придется навсегда остаться одинокой. Ведь никому не захочется иметь спутницу жизни, которую сама судьба предназначила другому.

Я ударяю кулаком по столу, и матушка испуганно вздрагивает. Вот и хорошо. Мне все-таки удалось заставить ее снять маску бесстрастной уверенности, которая обыкновенно не покидает ее лица.

— Неужели ты не можешь хотя бы *учесть* мои пожелания во время завтрашнего доведывания? — спрашиваю я.

— А чего ты желаешь?

— Думаю, было бы неплохо, если бы доведывание показало, что мне следует стать домашним учителем.

Все домашние учителя, которых я знала, доживали до глубокой старости, и никто из них — при всех своих ошибках — никогда не причинял своим ученикам вреда, если не считать таковым слишком резкую критику или слишком высокие требования. Насколько я понимаю, именно это поприще таит в себе наименьшую опасность.

— Интересный выбор, — замечает матушка. — Его определенно стоит иметь в виду. — Она отрезает еще один ломтик яблока и предлагает его мне. Не самая лучшая замена для обещания, но большего мне от нее не дожидаться.

Наступает утро следующего дня, ясное и холодное.

На площади собираются жители Мидвуда, ежась в стылом воздухе — ранней весной на рассвете он всегда бывает студен. Те из нас, кому в этом году исполняется семнадцать лет, толпятся вокруг Кущи — круглой каменной постройки, в которой моя матушка ждет, чтобы погадать на костях, хранящихся в выложенных бархатом ларцах, и таким образом определить наше будущее.

Сегодня тех, чье будущее она определит, насчитывается восемьдесят три — сорок один юноша и сорок две девушки, и каждому из них соответствует один ларец. Я пересчитала их сама, водя пальцами по орнаментальным завиткам на серебре и полированному дереву, и, считая, чувствовала, как у меня все сильнее и сильнее сжимается горло. Сегодня мы все сможем узнать хотя бы одно — какому ремеслу каждому из нас следует обучаться. Не так, как несколько лет назад, когда на

доведывание не явился Кэллум Эллиот и от его семьи не поступил ларец. Он был младшим из десяти детей, и к тому времени, когда ему исполнилось семнадцать, его семья могла позволить себе только мышинные кости. Моя матушка сказала, что откажется от своего гонорара, но из-за немалой стоимости подготовки костей к гаданию и высокого налога на доведывание, который установил совет, семья Кэллума так и не смогла наскрести достаточно денег для того, чтобы провести его.

Впрочем, скорее всего, доведывание все равно ничего бы им не дало. Вряд ли от мышинных костей был бы толк — они не годились для сложного гадания. Хотя порой даже самые дорогие и тщательно приготовленные кости не дают ясного ответа на вопрос.

И это камнем ложится на сердце каждого из нас, ведь никому не улыбается участь оборыша.

То, что происходит со мной, — прямая противоположность тому, что случилось с Кэллумом. У моей семьи никогда не было таких проблем, как у Эллиотов — мы всегда могли позволить себе гадание на костях, чего бы оно ни касалось. Но я знаю: мне больше не удастся обратиться к матушке — не удастся до самого доведывания, а потому я пытаюсь сосредоточить внимание на чем-то другом: на сотнях и сотнях цветных бумажных фонариков, свисающих с тонких ветвей; на горящем в отдалении огромном костре; на детях, держащих охапки белых одеял и перекатывающих с пяток на носки то ли от холода, то ли от возбуждения.

— Саския, — произносит так хорошо знакомый мне голос, и от его звука у меня захватывает дух.

Я чувствую на своей шее дыхание Деклана. Наверное, ему не стоило стоять так близко, во всяком случае, пока. А что, если кого-то из нас двоих кости предназначают другому? От этой мысли у меня в животе раз-

верзается пустота. Нет, матушка не посмеет. Ведь ей известно, какие чувства мы с ним испытываем друг к другу.

Прежде чем повернуться к Деклану, я отхожу на шаг. От широкой улыбки на его левой щеке появляется ямочка, веселые глаза лукаво блестят. Он причесал свои обычно непослушные волосы, так что теперь остается всего лишь один непокорный вихор над самым лбом. Сейчас Деклан похож на котенка, которого только что вылизала его мама-кошка.

— Доброе утро, — улыбаюсь я.

Он смотрит мне в глаза чуть дольше, чем следовало бы, и мои щеки вспыхивают. По его лицу снова расплывается улыбка, похожая на растекающийся мед.

— Я буду ждать тебя вон там, — говорит он и, подмигнув мне, отходит. Я смотрю на других девушек, чтобы понять, заметил ли кто-то из них мимолетное нарушение приличий, но на меня никто не обращает внимания. В такие дни, как нынешний, каждая из нас думает только о самой себе.

Я наблюдаю, как Деклан исчезает в толпе парней, и сердце мое сначала переполняется чувствами, а затем его вновь сжимает страх. Мне ли не знать, что, пока кости не сказали своего слова, никому из нас любить нельзя. Но в Деклане, в его непринужденной улыбке, в его жизнерадостном смехе, в его отношении к жизни, таком беззаботном, словно у него нет ни малейших сомнений в том, что судьба всегда будет к нему благосклонна, есть нечто такое... Наверное, если кому-то и можно было бы не волноваться по поводу результата доведывания, так это мне самой, но я ни в чем не уверена. Ни в чем.

Мое внимание привлекает какое-то движение на краю площади. К толпе парней неторопливо приближается одинокая фигура. Брэм Уилберг.

Он едва не опоздал к началу доведывания.